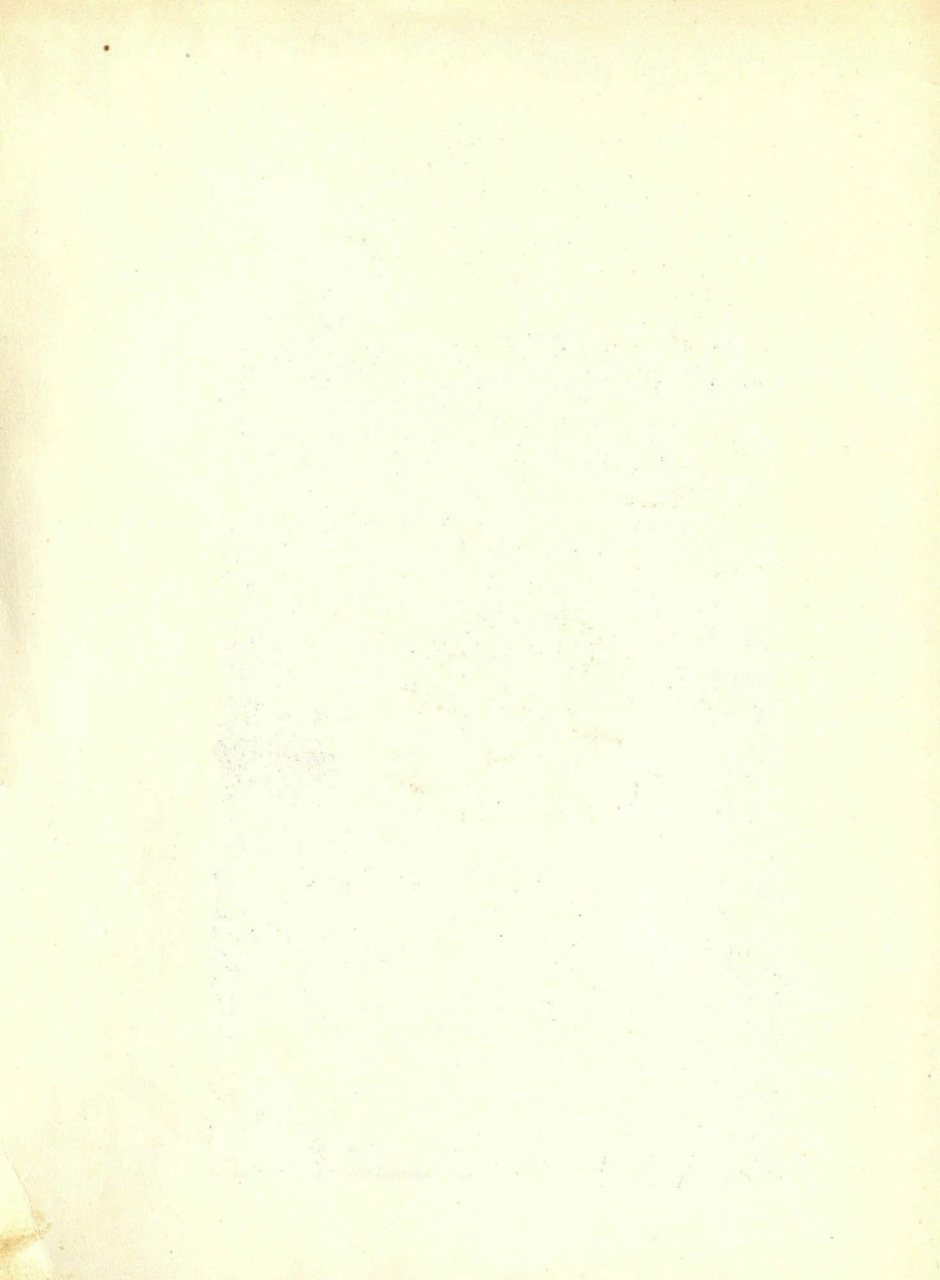

М. ЛЕРМОНТОВ

АШИК КЕРИБ

ДЕТГИЗ
1946

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Л 492

А Ш И К - К Е Р И Б

Турецкая сказка

Р И С У Н К И

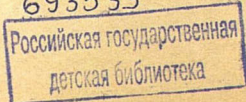
А. Яковсон

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1946 Ленинград

11778

693533

Давно тому назад, в городе Тифлисе, жил один богатый турок. Много Аллах дал ему золота; но дороже золота была ему единственная дочь, Магуль-Мегери. Хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше; так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиса. Был также в Тифлисе бедный Ашик-Кериб. Пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых. На одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они

полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку, и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул. В это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами, и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечника), отстала и подошла к нему. „Что ты спишь под виноградником, — запела она, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо“. Он проснулся, девушка порхнула прочь, как птичка. Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить. „Если б ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб“. — „Веди меня к нему“, — сказала Магуль-Мегери, и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. „Как мне не грустить, — отвечал Ашик-Кериб, — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею!“ — „Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет“. — „Хорошо, — отвечал он, — положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан? Нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажить себе богатство, либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна

на это, то по истечении срока будешь моею“. Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери; взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиса. И вот догоняет его всадник; он смотрит: это Куршуд-бек. „Добрый путь! — кричал ему бек. — Куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ“. Не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать. Долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни брода. „Плыви вперед, — сказал Куршуд-бек, — я за тобою последую“. Ашик сбросил верхнее платье и поплыл. Переправившись, глядь назад — о горе! о всемогущий Аллах! — Куршуд-бек, взяв его одежды, уехал обратно в Тифлис; только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю. Прискакав в Тифлис, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери. „Твой сын утонул в глубокой реке, — говорит он, — вот его одежда“. В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери. „Мой сын утонул, — сказала она ей, — Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна“. Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: „Не верь, это всё выдумки Куршуд-

бека: прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем“. Она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню. Добрые люди одели его и накормили; он за это пел им чудные песни. Таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город, и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он, наконец, в Халаф. По обыкновению, взшел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников. Многих к нему приводили, — ни один ему не понравился. Его чауши измучились, бегая по городу. Вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос. Они туда. „Иди с нами к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою!“ — „Я человек вольный, странник из города Тифлиса, — говорит Ашик-Кериб. — Хочу — пойду, хочу — нет; пою, когда придется, и ваш паша мне не начальник“. Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше. „Пой“, — сказал паша, — и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери, и эта песня так нравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды. Счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат. Забыл он свою Магуль-

Мегери или нет, не знаю, только срок истекал. Последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. В то время отправлялся один купец с караваном из Тифлиса с сорока верблюдами и восемьюдесятью невольниками. Призывает она к себе купца и дает ему золотое блюдо. „Возьми ты это блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и, вдобавок, вес его золотом“. Отправился купец; везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай и видит золотое блюдо в лавке тифлисского купца. „Это мое!“ — сказал он, схватив его рукою. „Точно, твое, — сказал купец. — Я узнал тебя, Ашик-Кериб. Ступай же скорее в Тифлис: твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого“. В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову; оставалось только три дня до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня. Наконец, измученный бегун упал бездыханный на Арзинган-

горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать? От Арзиньяна до Тифлиса два месяца езды, а оставалось только два дня. „Аллах всемогущий!—воскликнул он.—Если ты уж мне не поможешь, то мне нечего на земле делать!“ И хочет он броситься с высокого утеса. Вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: „Оглан (юноша), что ты хочешь делать?“ — „Хочу умереть“, — отвечал Ашик. „Слезай же сюда; если так, я тебя убью“. Ашик спустился кое-как с утеса. „Ступай за мною“, — сказал грозно всадник. „Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит, как ветер, а я отягощен сумою?“ — „Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй“. Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. „Что ж ты отстаешь?“ — спросил всадник. „Как же я могу следовать за тобою: твой конь быстрее мысли, а я уж измучен“. — „Правда; садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебе нужно ехать?“ — „Хотя бы в Арзерум поспеть нынче“, — отвечал Ашик. „Закрой же глаза“. Он закрыл. „Теперь открой“. Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзерума. „Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся; я хотел сказать, что мне надо в Карс“. — „То-то же, — ответил всадник, — я предупредил тебя, чтобы ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза. Теперь открой“. Ашик себе не верит, то, что это Карс. Он упал на колени и сказал: „Виноват, Ага,

трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб; но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по-настоящему надо в Тифлис“. — „Экой ты, неверный! — сказал сердито всадник. — Но, нечего делать, прощаю тебе. Закрой же глаза. Теперь открой“, — прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиса. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: „Ага, конечно, благодеяние твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлис, мне никто не поверит: дай мне какое-нибудь доказательство“. — „Наклонись, — сказал тот, улыбнувшись, — возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда, если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит“. Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня; но только он поднял голову — всадник и конь исчезли. Тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой. Стучит он в двери дрожащей рукою, говоря: „Ана, ана (мать), отвори! Я божий гость, и холоден, и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня“. Слабый голос

старухи отвечал ему: „Для ночлега путников есть дома богатых и сильных; есть теперь в городе свадьбы, ступай туда! Там можешь провести ночь в удовольствии“. — „Ана, — отвечал он, — я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сына,пусти меня!“ Тогда сестра его говорит матери: „Мать, я встану и отворю ему двери“. — „Негодная! — отвечала старуха. — Ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение“. Но дочь, не вникая ее упрекам, встала, отворила двери ипустила Ашик-Кериба. Сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться. И видит он, на стене висит, в пыльном чехле, его сладкозвучная сааз, и стал спрашивать он у матери: „Что висит у тебя на стене?“ — „Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом“. — „Я уж сказал тебе, — возразил он, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?“ — „Это сааз, сааз“, — отвечала старуха сердито, не веря ему. „А что значит сааз?“ — „Сааз то значит, что на ней играют и поют песни“. И просит Ашик-Кериб, чтобы она позволила сестре снять сааз и показать ему. „Нельзя, — отвечала старуха. — Это сааз моего несчастного сына; вот уж семь лет она висит на стене, и ничья живая

рука до нее не дотрагивалась“. Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему. Тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: „О всемогущий Аллах! Если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней!“ И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: „Я бедный Кериб (странник), и слова мои бедны, но великий Хадерилиаз помог мне спуститься с крутого утеса. Хотя я беден и бедны слова мои, узнай меня, мать, своего странника“. После этого мать его зарыдала и спрашивает его: „Как тебя зовут?“ — „Рашид“ (простодушный), — отвечал он. „Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она. — Своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели; — я вот уж семь лет как ослепла от слез; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?“ И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила. И спустя несколько времени, просит он: „Позвольте, матушка, взять сааз и итти; я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и всё, что получу, принесу сюда и разделю с вами“. — „Не позволю, — отвечала старуха. — С тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходила из дому“. Но он стал клясться,

что не повредит ни одной струны. „А если хоть одна струна порвется, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом“. Старуха ощупала его суму и, узнав, что она наполнена монетами, отпустила его. Проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чатрой (занавесом) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чатры, что пришел незнакомец, который говорил: „Селям алейкюм! Вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами; и за то я спою вам песню“. — „Почему же нет? — сказал Куршуд-бек. — Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба; — спой же что-нибудь, ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота“.

Тогда Куршуд-бек спросил его: „А как тебя зовут, путник?“ — „Шинди-гёрурсез (скоро узнаете)“. — „Что это за имя! — воскликнул тот со смехом. — Я в первый раз такое слышу“. — „Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать: сына или

дочь бог ей дал; им отвечали: „шинди-гёрурсез“ (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя“. После этого он взял сааз и начал петь:

„В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в три дня“.

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: „Ты лжешь! Как можно из Халафа приехать сюда в три дня?“

„За что ж ты меня хочешь убить? — сказал Ашик. — Певцы обыкновенно со всех четырех сторон собираются в одно место; и я с вас ничего не беру, — верьте мне или не верьте“.

„Пускай продолжает“, — сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

„Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзеруме; перед захождением солнца творил намаз в городе Карсе и вечерний намаз в Тифлисе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня; он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелье, из ущелья на гору: Мевлян (господь наш) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери“.

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. „Так-то ты сдержала свою клятву? — сказала ее подруга. — Стало быть, сегодня ночью ты будешь женою

8771

693533

Российская государственная
детская библиотека

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА~~
~~ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ~~
~~ДЕТГИЗА~~

Куршуд-бека? — „Вы не узнали, а я узнала милый мне голос“, — отвечала Магуль-Мегери, и, взяв ножницы, она прорезала чатру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула и бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, промолвив:

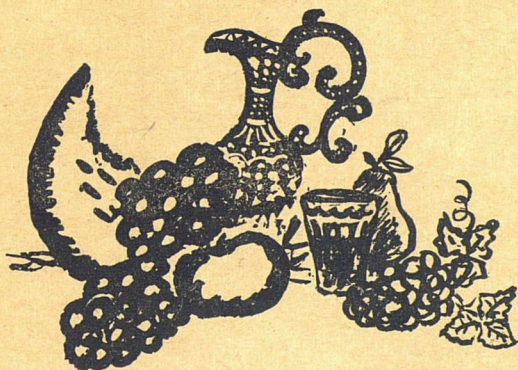
„Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует“.

Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чатру.

„Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених. — Но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?“ — „В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень; если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведите мне слепую, которая бы семь лет уже не видала свету божьего, и я возвращу ей зрение“. Сестра Ашик-Кериба, стоя в сенях у двери и услышав такую речь, побежала к матери. „Матушка! — закричала она. — Это точно брат, и точно твой сын, Ашик-Кериб!“ И, взяв старуху под руку, привела ее на пир свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, примолвля: „Знайте все люди, как могущ и велик Хадери-

лиаз!“ И мать его прозрела. После того никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: „Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты; я богат, у ней будет не меньше серебра и золота; итак, возьми ее за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери“.

Для младшего возраста

Редактор *Б. Летош*. Худож.-редактор
Н. Полозов. Корректор *О. Орлова*.
Технич. редакт. *Н. Сусленикова*.
Подписано к печати 15.VI-46 г. М-02935.
Тираж 50 000. Печ. л. 1 $\frac{1}{4}$. Уч. изд. л. 0,65.
Типогр. знаков в 1 сум. л. 37 216.
Заказ № 1336. 2-я фабрика детской
книги Детгиза Министерства Просве-
щения РСФСР

	11778
1492	Сермонтав М.Ю.
	Фикс-Керно
	сказка
	75 коп.

11778

120 =

Цена ~~75~~ к.

В